

ЯНА
ЮМАТОВА

мамой

БУДЬ МОЕЙ няней

Яна Юматова

Будь моей мамой!

<https://litres.ru/74166843>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Твоя няня оказалась воровкой! - визжит мачеха моей воспитанницы. - Нужно сдать ее полиции!

— Это правда? - Павел сверлит меня взглядом, а я не могу от стыда и возмущения ни слова вымолвить. Горло сдавливает спазм, к глазам подступают слезы.

— Поля ничего не блала! — вдруг выкрикивает моя пятилетняя защитница. — Это змеиная кололева сама подблосила! И у меня есть показательства!

Устроилась няней в богатую семью и даже не предполагала, чем это обернется и какие тайны прошлого всплывут!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Яна Юматова

Будь моей мамой!

Глава 1

— Варюша, осторожнее! Водичка прохладная! Иди, я твой носик потрогаю.

— Не холодно мне, - отзывается Варя и снова прыгает в детский бассейн.

— Из воды ничем не выманишь, - вздыхает рядом мамочка девочки в желтом купальнике. - Наша тоже младенчества обожает воду.

— И нашей тоже лишь бы плескаться, - с улыбкой смотрю на свою девочку.

— Сколько вашей?

— Через месяц пять исполнится, - не свожу глаз с Вари.

— Моей тоже скоро пять. Первый ребенок у нас, - мамочка замолкает, видимо ожидая и от меня откровений.

— Валюша, ты пить хочешь? - кричу я.

— Нет! - малышка снова плюхается в воду.

— Таки роды сложные были у меня, почти четырнадцать часов схватки, а в итоге тоже кесарево, - продолжает мамочка.

— Почему тоже? - с удивлением озираюсь вокруг, но у детского бассейна только мы с нашими девчонками.

— Ну у вас тоже шрам от кесарева, - она выразительно смотрит на тонкую полоску на моем животе чуть выше линии купальных трусов. Машинально натягиваю футболку ниже и снова не свожу глаз с воспитанницы.

— Это шрам от аварии. Я - няня. Своих детей нет, - отвечаю немного резковато, но уже не знаю, как отделаться от назойливой мамыши.

— Странно, - она все еще сверлит взглядом мой живот, — такой шов... в таком месте от кесарево обычно бывает...

— Варенька, вылезь из воды, идем переодеваться в принцессу и ужинать! - полностью переключаюсь на ребенка. - Извините, нам пора.

— Да-да, мы тоже уходим. Катарина, пойдем уже, - кричит она дочке.

Укутываю Варю в пушистое полотенце и переодеваю в сухой сарафан.

— Поля, а ты будешь со мной тоже плинцессой? - спрашивает Варя, обувая свои розовые тапочки.

— Да я уже слишком взрослая для принцессы, - смеюсь я и целую малышку в щечку.

— Ну пожалуйста! Будешь большой плинцессой! Будем с тобой подлужками! - канючит Варя, а я не могу ей отказать. За несколько месяцев работы я так привязалась к смышленной голубоглазой девчонке, что даже не представляю, как

расставаться с ней, когда ее родители решат поменять няню.

— Хорошо, буду самой огромной принцессой на свете, - и обнимаю девочку. - Но тогда мне придется и самое большое пирожное съесть.

— Ну ладно, - соглашается счастливая Варя, - я не плотив. Мне ни чуточки не жалко пилуженых.

Она смеётся звонко и по-детски искренне, а я чувствую, как будто внутри у меня цветок расцветает. Это странное чувство — как будто сердце отзывается на смех этого ребенка, пробуждая невероятную нежность и любовь.

Вечером, когда Варя, наигравшись и накупавшись, сворачивается калачиком в своей кроватке, я остаюсь сидеть рядом. Она, сонная и счастливая, прижимает к себе любимую куклу и почти сразу проваливается в сон. Слушаю её ровное дыхание, глажу по мягким светлым волосам — и не могу оторваться.

Варя похожа на солнечный лучик, на то, чего мне в жизни так не хватало. Ругаю себя за то, что слишком быстро привязалась к этой девочке, что нельзя так, ведь няни приходят и уходят, а дети должны привыкать к переменам. Но каждый раз, когда Варя называет меня своей принцессой или обнимает маленькими ручками за шею, я забываю об осторожности и позволяю своему сердцу любить эту малышку.

Когда девочка окончательно засыпает, я возвращаюсь в свою комнату. Не включаю свет — только настольную лампу, чтобы никому не помешать. Сажусь на край кровати, маши-

нально натягиваю майку выше и провожу пальцами по животу.

Тонкая, чуть светлее кожи, полоска пересекает его почти горизонтально. Напоминание о жуткой аварии. «Тебя едва спасли, Поля. Врачи буквально заново собирали твои внутренности. Тебе повезло остаться живой». Эти слова матери врезались в память.

Но сегодня чужая женщина у бассейна сказала, что такой шрам остается от кесарева.

Ощущаю, как холод ползет по позвоночнику.

Берусь за телефон, открываю поисковик и начинаю набирать: *“шрам после кесарева фото”*. Смотрю. Листаю. Снова смотрю. И сердце начинает стучать так громко, что, кажется, его слышно в пустой комнате.

Швы похожи. Почти такие же. Та же полоска, то же место, та же длина.

Я роняю телефон на кровать и закрываю глаза руками. Чушь. Не может быть. У меня ведь не было детей. Я и замужем-то не была.

Мать ведь сказала. А сама я ничего не помню из своей жизни до аварии.

А если... если она солгала?

Ночь тянется мучительно медленно. Я ворочаюсь, не в силах уснуть. Каждый раз, как закрываю глаза, передо мной вспыхивает чужая уверенность: «У вас шрам от кесарева».

Когда усталость все же берет верх, я проваливаюсь в свой старый кошмар.

Мне тяжело идти, тянет поясницу, а кофта топорщится из-за огромного живота. Я улыбаюсь — кому-то рядом. Но его лицо скрыто туманом.

Вдруг глаза ослепляет свет фар. Резкий скрежет тормозов. Боль внизу живота, как будто нож пронзает изнутри. Чей-то крик: «Поля! Держись!»

И меня накрывает темнота.

Вскакиваю на кровати со стоном, хватаясь руками за живот. Пот холодными струйками стекает по спине. В груди давит так сильно, будто я только что действительно потеряла кого-то.

Смотрю на темноту комнаты и пытаюсь убедить себя: это всего лишь сон. Но пальцы снова находят шрам — и я не могу отделаться от мысли, что этот сон не выдумка.

Неужели мой сон - это воспоминания о прошлом? Но почему тогда мама не сказала мне всю правду?

До рассвета лежу с открытыми глазами, слушая, как за стеной тихо посапывает Варя. И каждый вдох ребёнка кажется странным утешением — и вместе с тем новым источником боли.

Глава 2

Утро настает внезапно. Сначала в глаз бьет солнце, потому что наш номер выходит на солнечную сторону, а плотные шторы я вечером не задернула. Сквозь приоткрытую дверь балкона тянет морем и свежей выпечкой из ресторана отеля. Не успеваю окончательно прийти в себя, как Варя толкает локоточком в бок.

— Поля! - громким шепотом зовет Варя прямо в ухо. - Я так кушать хочу! Голодная как волчище! - Варюша изображает грозный оскал, демонстрируя все свои двадцать маленьких белых зубок. Я улыбаюсь её нетерпению и веду в ресторан.

К сожалению, в ресторане я встречаю невесту Вариного отца. Демонстративно сесть за отдельный столик неудобно, поэтому направляюсь к ней, слыша недовольное бурчание Вари.

Девочка как-то по секрету сказала мне, что это настоящая «змеиная кололева». Мне, к сожалению, нельзя так называть будущую супругу моего нанимателя, хотя по виду она и есть змея, поэтому приходится величать ее вежливо — Анной Сергеевной.

Будущая мачеха Вари - очень эффектная и ухоженная молодая женщина, правда замашки у нее не меньше, чем у хозяйки мира. И смотрит она на меня и весь другой обслужи-

вающий так, как будто перед ней — не люди, а пустое место. Нет, даже не так: как будто перед ней пыль и грязь.

— Доброе утро, Анна Сергеевна, - выдавливаю из себя пластмассовую улыбку.

— Не нужно ребенку давать так долго спать, - вместо приветствия цедит мадам.

— Она уже давно встала, мы гуляли перед завтраком, - мне совершенно не нравится тон этой женщины, но высказать все, что я о ней думаю, не могу.

— Поля, пойдем за едой? - просит Варя.

— Обязательно наполните ее тарелку овощами, детям нужна клетчатка! - поучительно наставляет нас “королева змей”, а Варя закатывает глаза и корчит рожицу, быстро топая к буфету.

— Поля, а змеи что едят? - спрашивает Варя, когда я накладываю ей кашу.

— Мышей, мелких зверушек, - отвечаю я.

— Интелесно, а в этом отеле есть мыши? - задумчиво спрашивает девочка и крутит головой во все стороны.

— Ну в ресторане их точно нет, - смеюсь я.

— Что ж, тогда змеиная королева останется голодной. Ой, только бы она нас не съела! - Варя смешно округляет свои синие глаза, осененная внезапным предположением.

— Не переживай, я не позволю ей съесть нас, - ласково треплю воспитанницу по голове. - Тебе орешками кашку посыпать? Для мозгов полезны орехи.

— Если для мозгов, то давай двойную полцию, - соглашается она.

— Варя, сиди прямо и не вздумай облизывать ложку, — голос Анны Сергеевны едва на визг не срывается, когда Варя задумчиво разглядывает кашу на ложке.

— Не хочу сидеть плямо, я хочу сидеть как плинцесса, — тянет Варя и демонстративно вытягивает мизинчик, подражая манере Анны Сергеевны.

Едва сдерживаю смех и спешу прикрыть рот салфеткой. Варя настоящая актриса.

— Полина, вы собираетесь объяснять ребёнку правила приличия? — она нервно откидывается на спинку кресла и берёт бокал апельсинового сока.

— Варя хорошо воспитанная девочка, — отвечаю спокойно. — Она сама прекрасно понимает, где можно шалить, а где нельзя.

Змеиная королева вскидывает свои идеально выщипанные брови в немом вопросе. Накачаные губы подрагивают в желании что-то сказать, но в этот момент ее мобильник взрывается модной мелодией, отвлекая внимание.

— Лолочка, привет! - щебечет мадам в трубку, совершенно забывая о нас. Она вскакивает из-за стола, не доев свой модный завтрак из яиц и авокадо, и удаляется, покачивая крутыми бедрами.

— Фух! Хоть позавтлкать спокойно можно тепель!

— Приятного аппетита, - желаю воспитаннице и с наслаждением отпиваю кофе из кружки. Пока Варя ест и болтает, мысли мои об Анне Сергеевне. Со стороны очень заметно, что будущая мачеха смотрит на девочку, как на надоедливое приложение к богатому мужчине, и при этом делает вид, что выполняет «благородную миссию». И мне очень жаль Варюшу. Девочка осталась без материнской любви, а от мачехи не стоит ожидать нежных чувств.

Замечаю, что Анна Сергеевна бросает на нас с Варей взгляд из-за стеклянной стены, которая отгораживает ресторан от дорожки с пальмами, и тут же отворачивается.

Варя, тоже видя это, закатывает глаза и показывает ей вслед язык.

— Блн, я её так не люблю. Хоть бы папа себе длую жену нашел! Таковую же холошую и доблую, как ты!

Улыбаюсь и не ругаю. Пусть выражает свою неприязнь как умеет. Удивительно: у пятилетнего ребёнка инстинкты точнее, чем у взрослых. Она чувствует фальшь лучше, чем я когда-то.

День проходит как обычно. Для вида Анна Сергеевна идет на пляж вместе с нами, но совершенно не интересуется Варей. Сидит у бассейна с телефоном и фотографирует себя. Наверняка, постит фоточки в соцсети. Рядом всегда коктейль, большой солнечный зонт и стопка глянцевых журналов.

А мы с Варей играем в воде, строим замки из песка на пля-

же, и только изредка ловлю на себе холодный взгляд невесты. Будто я не няня, а соперница. Но какая из меня соперница? Я ведь... никто.

— Полина, вы не слишком балуете ребёнка? — спрашивает она вечером, когда мы возвращаемся в номер.

— Я думаю, девочке в ее возрасте нужны ласка, любовь и внимание. — Я сгибаюсь, помогая Варе снять босоножки. — Пять лет - очень важный возраст.

— Воспитание — не в этом. — Она делает паузу, разглядывает меня с головы до ног. — Знаете, вы слишком много себе позволяете для наёмного персонала.

Слова звучат как пощечина. Я опускаю глаза и молчу. Всё равно оправдываться перед ней бессмысленно.

Варя вдруг неожиданно громко заявляет:

— А моя Поля лучше всех! Она доблая и не злая, как ты!

В шоке прикрываю ее рот ладонью, но поезд уже ушел. Анна Сергеевна багровеет, хочет сказать Варе что-то, но в последний момент сдерживается. Змеиная королева презрительно улыбается и уходит, качая бедрами.

На ужине мы с Варей вдвоем, чему обе несказанно рады.

— Поля, а можно мне сегодня съесть пиццу? Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Один малююююсенький кусочек, а? - Варя делает глаза, как у кота в мультике. Отказать - ноль шансов.

— Только сегодня и только один, - с улыбкой соглашаюсь

я. - Отпразднуем наш прекрасный ужин вдвоем.

— Ула! Ула! Пицца! - Варя пританцовывает на месте и тот час несется к столу, где на деревянном подносе лежит пицца.

— Как отучить детей любить пиццу? - вздыхает рядом одна из отдыхающих, миловидная блондинка с мальчиком лет четырех.

— Невозможно, - смеюсь я.

— У вас дочка красавица, — говорит она мне. — И похожа на вас удивительно. Такие же глаза, та же улыбка.

Почему-то прошибает холодный пот, и я растерянно отвечаю:

— Вы ошиблись. Я няня.

— Да? — Женщина смотрит озадаченно, но потом улыбается: — Всё равно видно: вы с ней уже как родные.

Не свожу глаз с сияющей девочки, несущей тарелку с пиццей. Внутри разливается странная дрожь. Не в первый раз мне говорят подобное, но сегодня это отзывается во мне особенно остро.

Вечером, когда Варя чистит зубы в ванной, мы вдвоем стоим перед большим зеркалом. Маленькая егоза подпрыгивает, чтобы увидеть себя целиком, а я склоняюсь к ней, чтобы собрать ее волосы в пучок.

И вдруг... мы вдвоем отражаемся так близко, что я словно смотрю в одну картину. Большие голубые глаза Вари и мои собственные. Та же форма лица, та же линия подбородка.

Она улыбается — и я вижу... себя маленькую.

Варя тоже как будто замечает наше сходство.

— Поля, а у тебя глаза такие же, как у меня! Смотри! Мы с тобой близняшки!

Она радостно хихикает и обнимает меня за шею. А я стою, глядя на отражение, и чувствую, как холод поднимается по спине. Потому что не замечать очевидного уже не получается.

Ночью, когда Варя спит, я снова лежу без сна. В голове звучит фраза: *«Какая у вас дочка красавица»*.

Сердце начинает стучать так громко, что я боюсь разбудить девочку.

Глава 3

Как ни стараюсь, уснуть не получается. Мысли одна невероятнее другой разрывают мозг. Кладу руку на живот и щупаю шрам. Не могла же я забыть собственного ребенка, если я на самом деле рожала?

Нужно поговорить с тетей Лидой. Точно! Она должна знать хоть что-то!

Ведь после той страшной аварии, когда выяснилось, что я ничего не помню, родители отправили меня в бабушкин дом, где я проводила каждое лето в детстве. Как говорила мама, я обожала бабушку и ее дом, и они надеялись, что знакомые стены помогут вернуть память.

Бабушки уже не было в живых, в ее доме жила тётя Лида, мамина двоюродная сестра.

Одинокая, бездетная учительница русского языка и литературы. Женщина строгая и мудрая, с серыми глазами, в которых будто отражались и пушкинские строки, и чеканные правила грамматики, и тихая тоска по собственной несбывшейся семье.

Сначала чувствовала себя чужой в огромном доме с запахом старых книг и скрипом половиц по ночам. Но тетя Лида относилась ко мне так, словно я была ее собственной дочерью. Она гладила мои волосы, сидела у кровати, когда мне

снились кошмары, варила ароматное варенье и приговаривала: «Ничего, Полюшка, со временем всё встанет на место».

Она быстро стала для меня ближе, чем собственные родители. С ними у меня так и не наладились отношения — приезжали редко, да и то ненадолго. Тетя не любила с ними общаться, всегда будто сторонилась, и я тогда не понимала почему. Но именно у нее я научилась снова доверять миру. И именно к ней сегодня тянется сердце, когда прошлое стучится в мою жизнь, требуя ответа.

Телефон лежит на прикроватной тумбочке, экран мерцает темно-синим светом, будто зовёт меня.

Еле дожидаясь утра, и после завтрака набираю знакомый номер.

— Алло, Полюшка? — голос тети Лиды звучит так, будто время остановилось. Мягкий, чуть уставший, но всегда родной.

— Тётъ Лид... — шепчу я, и голос предательски дрожит. — Привет, ты как?

— Господи, ну наконец-то! — слышу облегчение. — А я уже думала, ты там совсем про свою старуху забыла.

Улыбаюсь сквозь слёзы. Сколько лет прошло, а ее «старуха» всегда звучит одинаково смешно и нежно.

— Как я могла забыть? — говорю. — Я... мне нужно с тобой поговорить...

— Ну давай, — вздыхает она. — Чую, неспроста ты позвонила.

Я долго молчу, собираясь с духом, и наконец выдыхаю:

— Тётъ Лид, ты ведь знаешь про ту аварию... Про то, что со мной тогда случилось.

В трубке только шумное дыхание.

— Поля, — осторожно начинает она, — ты же знаешь, я с твоими родителями не близка. Меня не предупреждали заранее о том, что ты будешь жить в бабушкином доме. Просто привезли тебя и поручили выходить. Ты ведь помнишь, что тогда еле ходить могла... Заново тебя всему учила. И шнурки завязывать, и носки надевать, - в ее голосе столько грусти, что на глаза наворачиваются слезы. Да, я была совершенно беспомощной, и тетя Лида заботилась обо мне.

— Но... — у меня дрожат губы. — Разве тебе совсем ничего не рассказали? Родители? Как все произошло... Этот шрам...

— Твои родители? — в её голосе слышится горечь. — Да твоя мать скорее язык проглотит, чем правду скажет. И отец твой... ладно, бог с ними.

Сердце падает куда-то в пятки.

— То есть ты тоже... ничего не знаешь?

— Знаю только одно, — твердо произносит тетя. — Вся эта история мутная, а твоя мать что-то скрывает.

Прижимаю телефон к уху так крепко, что болит висок.

— Но почему? Зачем ей врать? — голос срывается. — Я ведь ее дочь.

— Не знаю, Полюшка, но поверь, у твоей матери всегда были свои планы. — Тетя Лида тяжело вздыхает. — Скажу прямо: если хочешь правды, разговаривай с ней. Только не жди, что она ее расскажет.

— Просто этот шрам у меня... Знаешь, мне сказали, что такой бывает после кесарева, — признаюсь. — Но ведь я не рожала...

— Полюшка, твоя мать говорила, что тебя по частям собирали, вот шрам и остался. А люди... они иногда такое могут ляпнуть по незнанию, что потом места себе не найдешь. Может, к врачу тебе сходить да показать шрам? Гинеколог-то точно скажет, рожала ты или нет.

— Спасибо, тетя Лид! так и сделаю, когда приеду. Пока, целую, - кладу трубку, а у самой внутри настоящая буря из сомнений.

Может, и правда показалось? Может, эта женщина в ресторане просто лягнула. Может, Варя просто милая девочка, а я сама себе надумываю.

— Поля, а ты почему такая грустная? — Варя вбегает в комнату и прыгает ко мне на колени.

— Я? — улыбаюсь через силу. — Да нет, просто задумалась.

— Давай фотку сделаем! — предлагает она неожиданно. — Смотри, у меня платье плинцессы!

Мы прижимаемся щеками, Варя строит рожицу, а я улыбаюсь, нажимая на кнопку.

— Мы как сестлички! - радостно сообщает Варя, разглядывая фото в телефоне. А у меня едва сердце не останавливается. Ошибиться второй раз невозможно: на экране две одинаковые пары глаз. Моих и её.

Не раздумывая, пересылаю фото тете Лиде.

Ответ приходит почти сразу:

«Поля, ты как сфотографировалась со своей детской кошкой??»

Меня бросает в дрожь. Лед и огонь одновременно разливаются по телу. Читаю сообщение снова и снова, пока буквы не расплываются перед глазами.

— Поля, а ты плачешь? — Варя прижимается ко мне, гладит маленькой ладошкой по щеке.

Я обнимаю ее крепко, зарываюсь лицом в её волосы.

— Нет, солнце мое. Я просто очень счастлива, что ты рядом.

А в голове отстукивает пульс: “Я должна знать правду. Какая бы она ни была”.

Глава 4

С утра Анна Сергеевна подозрительно оживлённая. То, как она суетится в соседнем номере, слышно даже через стенку. То и дело слышатся ее приказы горничной: то отпарь, то принеси зеркало, то подай шпильки.

На завтраке мы видим Анну Сергеевну при полном параде - макияж, укладка, красное шелковое платье и высоченные шпильки.

— Как павлинго, - хихикает Варя, рассматривая будущую мачеху, которая, кстати, едва с нами здоровается. Торопливо выпивает кофе и уносится.

К обеду становится ясно: она кого-то ждет. Мы сталкиваемся с ней в лобби как раз в тот момент, когда раздаётся звонок ее телефона. Даже с расстояния видно, что глаза у Анны Сергеевны вспыхивают, как у кошки, которая увидела сливки.

— Паша! — щебечет она так сладко, что меня передергивает. — Уже приехал? Замечательно, я выхожу тебя встречать!

— Папа приехал?! — визжит Варя и, забыв обо всем, срысывается с места.

— Варвара! — орет вслед Анна Сергеевна, но девочка её не слышит.

Спешу за Варей ко выходу из лобби.

— Папааа! - бросается Варя с радостным воплем к высокому, широкоплечему мужчине в светлой сорочке и джинсах. Он подхватывает её на руки, кружит так, что она визжит от счастья.

А я стою и смотрю на его лицо, как привороженная. И не потому что вдруг влюбилась в этого красавца, а потому что я уже когда-то знала эту линию подбородка, эти темные глаза, эту улыбку, полную нежности, когда он смотрит на дочь.

Только откуда?..

В груди сдавливают, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Поля, иди в нам! — зовёт меня Варя сверху, из его объятий. — Это же мой папуля!

Как в полусне подхожу к ним, не в силах оторвать от него взгляда. Он ставит дочь на землю и оборачивается. На его красивом лице сменяется миллион эмоций от шока до ужаса, как будто перед ним привидение.

— Это Поля, — радостно сообщает Варя, хватая меня за руку. — Наконец-то ты увидел мою няню. Она самая лучшая на свете.

— Здравствуйте, — я протягиваю ладонь. — Полина.

— Павел, — коротко отвечает он, сжимая мою руку крепче, чем нужно. И не отпускает.

По ладони пробегает ток.

— Паша! — звенит голос сбоку.

Расфуфыренная Анна Сергеевна подлетает на своих шпильках и тут же вешается ему на шею, тянется к губам.

— Привет, Аня, — Павел мягко, но твердо отстраняет ее. Наштукатуренное лицо вытягивается, как будто кто-то испортил идеально отрепетированную сцену.

— Как раз насчет няни и поговорим, — резко бросает она, сверля меня глазами. — Она, между прочим, не справляется с обязанностями. Ребенок совершенно без манер.

Чувствую, как вспыхивают щеки. Хочу возразить, но Варя опережает меня:

— Неплавда! — кричит она. — Поля самая доблая! А ты злая ведьма!

В лобби вдруг воцаряется тишина. Кажется, на нас обращаются! Я готова провалиться сквозь землю, но Павел неожиданно усмехается.

— Варя, так говорить нехорошо, — все же журит он, но мягко. — Хотя... каждый имеет право на свое мнение.

Анна Сергеевна бледнеет и вцепляется в его руку:

— Паш, пойдем в номер, отдохнешь с дороги. Я так соскучилась... — томно шепчет она и тащит его к лифту, бросая на меня взгляд, полный яда.

— Варюша, я переоденусь и пойдем в море плавать, — Павел подмигивает дочке, а уходя, снова бросает на меня странный взгляд, который жжет огнем кожу.

— Поля, я так хочу, чтоб папа выгнал эту змеищу, — тихонько говорит Варя, беря меня за руку. — Я ни за что не захочу длую няню. Ты моя самая любимая.

Быстро моргаю, пытаюсь смахнуть вдруг подступившие

слезы.

— И ты моя любимая, Варенька.

— Вот бы ты была моей мамой, — девочка прижимается головой к моему бедру, а я задыхаюсь. В груди что-то ломается. Хочу сказать — «так нельзя», «не говори этого» — но не могу. Только глажу ее по спинке и шепчу:

— Я всегда буду рядом.

Наношу солнцезащитный крем на ручки и носик Вари, надеваю ей шляпку и веду на пляж. Девочка в предвкушении водных забав с папой радостно что-то напевает под нос и бодро шагает по дорожке между пальмами.

Мы успеваем немного поболтаться в воде и вырыть огромный канал в песке, когда появляются Павел и Анна.

— Пап, давай в моле! — верещит Варя, завидев отца.

Павел смеётся, подхватывает дочку на руки и бежит прямо к волнам. Вода обдаёт их с головой, Варя визжит от восторга. Он подбрасывает ее высоко, как пушинку, и снова ловит.

Сажу на лежаче, набросив полотенце на плечи, и не могу отвести глаз. Как они вместе смеются, как сияют глаза девочки. Так и должен выглядеть настоящий отец. Идеальная картинка.

— Красивое зрелище, да? — голос Анны Сергеевны звучит у меня над ухом. Она в белоснежном купальнике, с бокалом ярко-желтого коктейля, садится рядом и наклоняется ко мне. — Только губу закатай.

— Что, простите? — я не сразу понимаю и перевожу недоуменный взгляд на нее.

Она улыбается уголком губ, а в глазах арктический холод:

— Миллиардеры только в сказках женятся на нянях. В жизни богатые мужчины выбирают женщин... другого уровня.

Я молчу.

— У тебя, конечно, приятное личико, — продолжает она, оценивающе скользя по мне глазами. — Но не больше. Твое место — нос вытирать и песочек стряхивать. А все остальное — для меня.

— Мое место — быть рядом с Варей, — отвечаю спокойно. — И это для меня главное.

— Ну-ну, — она усмехается, откидывается на спинку лежака и натягивает солнцезащитные очки. — Главное, чтобы ты сама это понимала.

Видеть надменную физиономию Анны сил нет и я отворачиваюсь к морю. Там Варя висит на шее у отца и не думает менять позу. На лице мужчины нежная улыбка, а глаза светятся любовью к дочке. И от этой картинки у меня вдруг в груди колет, а на глазах выступают слезы.

Не знаю, как объяснить, но я знаю его улыбку. Я ее уже видела. И нежность была тогда адресована мне...

Так погружаюсь в свои мысли, что упускаю момент, когда Варя с отцом возвращаются к лежакам.

Девочка сразу плюхается рядом, вся мокрая и соленая.

— Поляаа! Смотри, я плавать научилась! Папа держал, а я ножками била!

— Ты - настоящая пловчиха! Наверное, лучше рыбок плаваешь, - улыбаюсь и обнимаю её, прижимая к себе мокрый комочек счастья. Тень Павла падает на меня, и я поднимаю глаза.

— Полина, — говорит он, и в голосе что-то странное. — Можно спросить?..

— Конечно, — отвечаю я, но договорить он не успевает.

— Варенька, солнышко, выпей лимонад! — влезает Анна Сергеевна с бокалом в руках. Голос сладкий, как патока. Она протягивает дочке высокий стакан с ярко-жёлтой жидкостью и трубочкой.

— Не хочу! — Варя отворачивается.

— Дети должны пить витамины, — тянет Анна. — Особенно такие маленькие, как ты.

Она сует стакан прямо Варе в руки. Девочка фыркает, и в следующее мгновение яркий напиток летит на белоснежный купальник Анны Сергеевны.

Я застываю.

— Ах ты!.. — шипит она, вскакивает, разглядывая безобразные желтые пятна на дорогушем купальнике. — Это все из-за тебя! — поворачивается ко мне. — Ни дисциплины, ни элементарного воспитания. Я говорила — няня из тебя никудышная!

Она разворачивается и уходит быстрым шагом, прикрыв

пятна полотенцем.

Варя лишь хихикает и садится на песок. Начинает строить замок, увлеченно роет ямку и выкладывает дно ракушками.

Наблюдаю за девочкой, но каждой клеткой чувствую, что Павел сверлит меня взглядом. И от этого взгляда у меня волосы на затылке дыбом встают.

— Как ты могла?.. - вдруг хриплым голосом спрашивает он тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.